

УДК 82-121: 811.111

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Ю.М. Трофимова

*Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск*

В статье предлагается одна из версий рассмотрения в лингвокогнитивном ключе поэтической речи с позиции поэтического текстового концепта «Я» и его структурной единицы – абсолютного текстового начала. Отмечаются содержательные особенности концепта, детерминированные абсолютным началом текста, делается вывод о его типических характеристиках, имеющих ментальную локализацию и демонстрирующих зависимость от текстопостроительных законов.

Ключевые слова: поэтическая речь, поэтический концепт, поэтический текст, текстовое начало, текстопостроение.

The First Person of Poetic Speech (Cognitive Aspect)

Yulia M. Trofimova

Mordvinian State University, Saransk

The article deals with the cognitive interpretation of poetic speech from the viewpoint of the poetic text concept “I” and its structural element – the absolute text beginning. The article states some informative peculiarities of the concept determined by the absolute text beginning and reveals the typical features of the concept which are mentally located and determined by text construction laws.

Key words: poetic speech, poetic concept, poetic text, text beginning, text construction.

Поэтическая речь изучается уже очень давно, и при этом в каждый период времени в ее изучение включаются новые лингвистические течения. В современном языкознании сложилась такая ситуация, когда практически для всех его направлений характерно обращение к постулатам когнитивной лингвистики. В данном случае следует указать на соответствующий термин, а именно *поэтический концепт*, под которым понимается особый вид художественного концепта, обладающий специфической «размытой» структурой, обусловленной ассоциативно-смысловыми механизмами формирования его содержательной структуры [6. С. 111].

Справедливости ради отметим, что выделенные в приведенном определении *ассоциативно-смысловые механизмы*, свойственные поэтической речи, были осознаны уже задолго до внедрения когнитивной лингвистики в различные лингвистические исследования. По словам И.И. Ковтуновой, в лирике, в отличие от нелирики, субъект речи включен в предмет речи. Подобная ситуация наблюдается не только тогда, когда лирическая поэзия служит непосредственным самораскрытием, но и в тех

случаях, когда речь идет о других вещах и лицах; это не взгляд со стороны, а взгляд изнутри, соприсутствие и сопричастность тому, о чем пишет лирический поэт [3. С.17].

Примечательно, что в своих исследованиях поэзии и поэтических текстов разные лингвисты охотно оперируют понятием *речь*. В сущности, такое употребление названного термина имеет все основания, поскольку именно речь (как устная, так и письменная) представляет собой основу текстопостроения. Отметим еще одно существенное для нашего случая употребление термина *речь*. Здесь акцент сделан на позиции автора, каковым в настоящей статье является лицо, именующее себя – Я. Говоря об авторской позиции, Б.О. Корман характеризует соотношение субъектов речи и автора следующим образом: «Субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того как субъект речи становится и объектом ее, он отдаляется от автора» [4. С. 202].

Конкретизируем приведенную точку зрения таким образом: объект речи – то, что изображается в произведении, о чем в нем повествуется. Субъект речи – тот, кто ведет повествование. Следовательно, само повествование – это организация текста вокруг субъекта речи. Нельзя не заметить, что две приведенных выше цитаты, по сути, лишь с разных сторон раскрывают понятие речи в ее текстопостроительном ракурсе.

Если не порывать этой традиции, то и в любых исследованиях поэтического текста имеет смысл исходить из речи, из позиции говорящего, тем более что в поэтическом тексте автор практически всегда заявляет о себе посредством местоимения первого лица – Я. В этой связи заметим также, что поэтическая речь понимается очень широко как речь художественная, а именно как средство художественного творчества. В качестве подвида художественной речи, в узком смысле, имеется в виду стихотворная речь, т. е. художественная речь, организованная по законам стиха. Именно в этом смысле и будет пониматься поэтическая речь в данной статье.

Поэтическая речь в законченном текстовом построении подчиняется текстопостроительным законам, одним из которых назовем установленное лингвистикой текста понятие сильной позиции текста. Эта позиция включает текстовое начало и текстовую концовку. В данном случае интерес вызовет текстопорождающий потенциал такой текстовой единицы, как абсолютное начало текста, имеющее вербализованную форму от первого лица. Текстовое начало, с одной стороны, сосредоточивает в себе важный блок стартовой информации, определяющей ее последующее развертывание, а с другой – и само подчиняется поэтическим текстопостроительным законам.

Как известно, лирические стихи, как правило, излагаются от первого лица. Даже если в них отсутствует личное местоимение (*я, мы*), то,

тем не менее, обязательно будут присутствовать его косвенные падежи или же соответствующие формы притяжательных местоимений, а также глагол в первом лице в языках, где употребление местоимений при глаголе не обязательно. По правде говоря, следует даже признать, что нормой для поэтических текстов является скорее наличие таких местоимений, нежели их отсутствие. Местоимение «я» (а мы рассмотрим только его) при этом часто становится первой лексемой поэтического текстового построения. На этом типе мы и остановимся, сосредоточив внимание на способности этого местоимения участвовать в продуцировании поэтического текстового начала, различные вариации которого объединим в границах концепта.

В исследованиях, рассматривающих местоимение «я» в поэтическом тексте, оно принимается к сведению независимо от его нахождения в строке. Однако думается, локализация местоимения «я» в тексте имеет большое значение. Его инициальное положение значимо во всех отношениях, и в первую очередь в текстопостроительном, рассмотренном с когнитивных позиций.

Это местоимение, поставленное автором в абсолютное начало текста, производит впечатление совершенно произвольного импульса в стремлении актуализовать себя в той информации, которая последует далее. С другой стороны, его инициальное положение не требует подбора рифмы, что бывает, в частности, при поэтическом сравнении, когда поэт вынужден конструировать сравнение в зависимости от рифмы и ритма. Все ограничения канонами поэтического текста в использовании инициального «я» сводятся только к первому безударному слогу, который обеспечивает соответствующий стихотворный размер. Таким образом, инициальное местоимение «я» обладает в поэтическом тексте известной самостоятельностью и независимостью.

Анализ самых разнообразных употреблений местоимения «я» в инициальной позиции показывает, что все они могут быть упорядочены в определенной последовательности: (1) идентификация собственного «я» поэта в рамках порождаемого текста, (2) квалификация «я» в аспекте его свойств и качеств, (3) квалификация «я» как носителя соответствующего действия, либо (4) как выразителя определенного отношения к какому-либо действию. Все действия, равно как и характер авторского отношения к ним, поддаются вполне обозримой классификации, выявляющей типические характеристики концепта, обусловленные стандартной повторяемостью признаков, характеризующих объект «я» в структуре поэтического текста:

(1) Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетет коварство сети... (А.А. Блок)

Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей. / По горам зеленым – скаты / С гарком гулких дупелей (С.А. Есенин).

Я – сын земли, дитя планеты малой, / затерянной в пространстве мировом, /
Под бременем веков давно усталой, / Мечтающей бесплодно о ином
(В.Я. Брюсов).

Я – соловей: я без тенденций / И без особой глубины... / Но будь то старцы иль
младенцы, – / Поймут меня, певца весны (И.Северянин / И.В. Лотарев).

Поэтическая идентификация автора с каким-либо конкретным лицом или объектом не поддается никакой систематизации, она зависит только от коммуникативной стратегии автора и от информативной направленности поэтического текста.

(2) **Я людям чужд** и мало верю / Я добродетели земной: / Иною мерой жизнь я
мерю, / Иной, бесцельной красотой (Д.С. Мережковский).

Я был желанен ей. Она меня влекла, / Испанка стройная с горящими глазами
(К.Д. Бальмонт).

Оба момента (идентификация и характеристика) могут фиксироваться в комплексе, а именно лицо идентификации и его качества:

Я – слабый сын больного поколения / И не пойду искать альпийских роз
(И.Ф. Анненский).

Я вольный ветер, я вечно вею, / Волную волны, ласкаю ивы, / В ветвях
вдыхаю, вздохнув, немену, / Лелею травы, лелею нивы (К.Д. Бальмонт).

Однако подобным образом можно охарактеризовать и самого себя:

Я, гений Игорь Северянин, / Своей победой упоен: / Я повсеградно озкранен! /
Я повсесердно утвержден! (И.Северянин / И.В. Лотарев)

Я – изысканность русской медлительной речи, / Предо мною другие поэты –
предтечи, / Я впервые открыл в этой речи уклоны, / Перепевные, гневные,
нежные звоны (К.Д. Бальмонт).

Первый (я – Гамлет, я пастух) и второй (я людям чужд) типы вполне когнитивны сами по себе, так как вербализуют дотекстовое размышление автора о своей личности, выливающееся в соответствующую идентификацию себя с какими-либо объектами или лицами, либо в приписывании себе определенных качеств.

Концепт в лингвистике принято комментировать в терминах ядра и периферии. Два из проиллюстрированных типов вполне можно квалифицировать как ядро поэтического концепта «я» при актуализации его в инициальной позиции текста. Здесь исключительной устойчивостью обладает грамматическая конструкция *я есть некто, нечто*, допускающая только настоящее время и по этой причине не содержащая в русском языке связующего глагола *есть*. Включение в нее вербального расширения для обозначения свойств и качеств объекта, с которым поэт идентифицирует себя в тексте, следует считать факультативным.

Что касается пункта 3 («я» как носитель соответствующего действия), то эта часть концептуальной структуры «я» в поэтическом текстопостроении самая развернутая и сложная. Она репрезентируется посредством определенных разрядов глаголов, обозначающих то или иное действие, выполненное или выполняемое субъектом в первом лице. Здесь можно встретить глаголы со значением ментальных действий,

чувственного восприятия, эмоций, желаний. Глаголы этого типа весьма многочисленны и могут быть распределены по отдельным типам. Их в силу частой повторяемости при инициальном «я» (что в результате приводит к появлению клишированных текстовых начал) также можно отнести к разряду ядерных. Многие из этих глаголов уже в своей семантике содержат элемент познания. Важным является и грамматическое время, а именно разные виды прошедшего времени, которое подчеркивает совершившийся акт познания, в частности, когда автор осознает посетившее его чувство (1), либо когда констатирует понимание прошлых периодов жизни (2):

(1) **Я полюбил** безумный твой порыв, / Но быть тобой и мной нельзя же сразу, / И, вещей снов иероглифы раскрыв, / Узорную пишу я четко фразу (И.Ф. Анненский).

(2) **Я ночи знал. Мечта и труд / Их наполняли трепетаньем,** – / Туда, к надлунным очертаньям, / Бывало, мысль они зовут. (И.Ф. Анненский)

Ментально-чувственная сфера допускает не только прошедшее, но также и настоящее время как осознание собственного состояния:

Я люблю замирение эха / После бешеной тройки в лесу, / За сверканьем задорного смеха / Я истомы люблю полосу (И.Ф. Анненский).

Глагол **любить** в сочетании с инициальным «я» особенно частотен: **Я люблю ваши нежно-зеленые глазки;** / Но сегодня я горьким предчувствием полн: / Ни камин в будуаре, ни роскошь, ни ласки / Не заменят мне солнца, лазури и волн (Д.С. Мережковский).

Я люблю тебя, принц огня, / Так восторженно, так маняще, / Ты зовешь... (Н.С. Гумилев)

Я вас люблю, хоть и бешусь, / Хоть это труд и стыд напрасный, / И в этой глупости несчастной / У ваших ног я признаюсь! (А.С. Пушкин)

Я люблю большие дома / И узкие улицы города, – / В дни, когда не настала зима, / А осень повеяла холодом (В.Я. Брюсов).

В редких случаях отображенное в тексте чувство любви получает объяснение (люблю, потому что..., оттого...). Здесь текстовая когниция выражается более полно:

Я люблю тебя так оттого, / Что из пошлых и гордых собою / Не напомнишь ты мне никого / Откровенной и ясной душою (А.Н. Апухтин).

Более частотно прошедшее время глагола «любить», когда последующие строки посвящаются осмыслению ушедшей любви, что также является проявлением поэтической текстовой когниции:

Я вас любил: любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем; / Но пусть она вас больше не тревожит; / Я не хочу печалить вас ничем (А.С. Пушкин).

Я всех любил, и всех забыли / Мои неверные мечты. / Всегда я спрашивал: не ты ли? / И отвечал всегда: не ты (Д.С. Мережковский).

Я полюбил ее зимою / И розы сеял на снегу / Под чернолесья бахромою / На запустелом берегу (И.Северянин / И.В. Лотарев).

Глаголы **знать, сознать, узнавать**, когнитивные уже в силу собственной семантики, актуализируются как указание на какой-либо факт, познанный автором:

Я знаю женщину: молчанье, / Усталость горькая от слов / Живет в таинственном мерцании (Н.С. Гумилев).

Я знаю, Ты моя награда / За годы боли и труда, / За то, что я земным отрадам / Не предавалась никогда... (А.А. Ахматова)

Я знал, что она вернется / И будет со мной – Тоска. / Звякнет и запахнется / С дверью часовщика... (И.Ф. Анненский)

Я сознаю, что **постепенно** / Душа истаивает. Мгла / Ложится в ней. Но, неизменно, / Мечта свободная – светла! (В.Я. Брюсов)

Я вас узнал, святые убежденья, / Вы спутники моих минувших дней... (А.К. Толстой)

Глагол **думать**, также когнитивный в силу собственной семантики, указывает на продолжающееся познание прошлого события:

Я думал, сердце позабыло / Способность легкую страдать, / Я говорил: тому, что было, / Уж не бывать! уж не бывать! (А.С. Пушкин)

Я думал, что любовь погасла навсегда, / Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный, / Что дружбы наконец отрадная звезда / Страдальца довела до пристани надежной (А.С. Пушкин).

Я думал, что сердце из камня, / Что пусто оно и мертво: / Пусть в сердце огонь языками / Походит – ему ничего (И.Ф. Анненский).

При инициальном «я» встречаются также и глаголы со значением других чувственно-ментальных действий:

Я верю: я любим; для сердца нужно верить (А.С. Пушкин).

Я верю: под одной звездой / Мы с вами были рождены... (М.Ю. Лермонтов)

Я верю всегдашним случайностям, / Слежу, любопытствуя, миги. / Так сладко довериться крайностям, / Вертепы менять на вериги (В.Я. Брюсов).

Глаголы чувственного восприятия встречаются как в настоящем, так и в прошедшем времени:

Я чувствую, как падают цветы / Черемухи и яблони невинных... / Я чувствую, как шепчутся в гостиных, – / О чем? О ком?.. Не знаю, как и ты (И. Северянин / И.В. Лотарев).

Я сегодня целый день / Слышал голос пчел незримых, / Точно пламенную сень / Кружев, зноем шевелимых (М.Л. Лозинский).

Я видел пред собой дорогу / В тени раскидистых дубов... (Н.С. Гумилев)

Приведенные фрагменты с глаголами чувственного восприятия, в сущности, демонстрируют отражение в поэтической речи чувственного знания как знания в виде ощущений и восприятия свойств вещей, непосредственно данных органам чувств.

Глаголы желания часто употребляются в сослагательном наклонении, и в этом смысле их можно оценивать как прелюдию к чувственному познанию или к приобретению эмоционального опыта:

Я хотел бы любить облака / На заре... Но мне горек их дым: / Так неволя тогда мне тяжка, / Так я помню, что был молодым (И.Ф. Анненский).

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать, / Я хотел бы любить, но любить не могу (К.М. Фофанов).

Я желал бы рекой извиваться / По широким и сочным лугам, / В камышах незаметно теряться, / Улыбаться небесным огням (В.Я. Брюсов).

Помимо упомянутых разрядов глаголов встречаются еще и глаголы со значением самых различных действий, не допускающие группировок в отдельные типы в силу собственного разнообразия. Особую сложность для комментирования представляет когнитивный потенциал глаголов, называющих какие-либо конкретные действия. Здесь настоящее время в абсолютной позиции является достаточно редким, и такие глаголы, как правило, маркируют сниженную когнитивную активность, либо ее полное отсутствие. Однако основной блок таких глаголов в прошедшем времени вполне когнитивен, выявляя итог дотекстового познания, имевший место еще до написания поэтического текста:

Я много лгал и лицемерил, / И сотворил я много зла, / Но мне за то, что много верил, / Мои отпустятся дела (В.Я. Брюсов).

Я красивых таких не видел, / Только, знаешь, в душе затаю / Не в плохой, а в хорошей обиде – / Повторяешь ты юность мою (С.А. Есенин).

Я устал от бессонниц и снов, / На глаза мои пряди нависли: / Я хотел бы отравой стихов / Одурманить несносные мысли (И.Ф. Анненский).

Оценка себя, осознание нового качества собственного «я» присутствует и в следующем примере:

Я возмужал среди печальных бурь, / И дней моих поток, так долго мутный, / Теперь утих дремотою минутной / И отразил небесную лазурь (А.С. Пушкин).

Иногда подобное действие выступает как условие последующего развертывания информации, чтобы та казалась реципиенту обоснованной:

Я встретил вас – и все былое / В отжившем сердце ожило... (Ф.И. Тютчев)

Я лежал в аромате азалий, / Я дремал в музыкальной тиши, / И скользнуло дыханье печали, / Дуновенье прекрасной души (В.Я. Брюсов).

Наличие модального глагола, выражающего отношение к действию, выполняемому первым лицом, встречается достаточно редко:

Я могу тебя очень ждать, / Долго-долго и верно-верно, / И ночами могу не спать / Год, и два, и всю жизнь, наверно! (Э.А. Асадов)

Я жить не могу настоящим, / Я люблю беспокойные сны, / Под солнечным блеском палящим / И под влажным мерцаньем луны (К.Д. Бальмонт).

Когнитивный концепт «я» вполне определенно актуализируется и как лингвокультурный в том плане, что для различных лингвокультур характерны свои предпочтения в использовании глаголов действия в позиции после местоимения первого лица. Например, в русской поэтической лингвокультуре исключительно частотным в этой функции является глагол «помнить», например:

Я помню, как в детстве нежданную сладость / Я в горечи слез находил иногда, / И странную негу, и новую радость – / В мученьи последних обид и стыда (Д.С. Мережковский).

Я помню: день смеялся блеском / Июльских солнечных лучей. / Форель заигрывала плеском, / Как дева – ласкою очей (И.Северянин / И.В. Лотарев).

По отношению к глаголам третьей и четвертой групп, можно определенно заявить, что они приближаются к периферии инциального

концепта «я», и, несмотря на то, что когниция в упомянутых группах еще вполне ощутима, она полностью нивелируется при подобных глаголах в настоящем времени, например:

Я обращаю речь к вам, выброски природы, / Бредущие впотьмах на торжище мирском: / Над вами ласково синеют небосводы, – / Но помните, что в них таится божий гром (К.М. Фофанов).

Необходимо заметить, что современные психологические исследования развивают особую «я-концепцию» как динамическую систему представлений человека о самом себе. Она определяется как совокупность установок, направленных на себя, и в ней при этом выделяются три структурных элемента: 1) когнитивный – «образ Я» (характеризует содержание представлений о себе); 2) эмоционально-ценностный, аффективный (отражает отношение к себе в целом или к отдельным сторонам своей личности, деятельности и проявляется в системе самооценок); 3) поведенческий (характеризует проявления первых двух в поведении) [5. С. 435].

Если мы в свете последней цитаты обратимся к выделенным выше типам инициального «я» в поэтических текстах, то будем вынуждены признать их полнейшее совпадение. Дело только в авторской индивидуальности, а именно в том, какие авторы какие типы инициального «я» предпочитают. В свете приведенной цитаты отметим попутно, что некоторые исследователи поэтического текста (а особенно – поэзии) чрезмерно увлекаются приписыванием ему (ей) каких-то особенных поэтических свойств, в то время как несомненной является и их чисто психологическая основа, свойственная *homo sapiens* в целом.

С этих позиций рассмотрим инициальное «я» в аспекте когнитивного стиля, а также с типологической точки зрения, имея в виду количественную и качественную встречаемость инициального «я» у разных авторов. Н.С. Болотнова, комментируя понятие когнитивного стиля, в качестве отправной точки избирает его трактовку в психологии. Когнитивная лингвистика не в первый раз обогащается за счет психологических категорий, ниже добавим в нее еще кое-что. Во всяком случае, в том, что касается поэтической когниции, здесь не может не проявиться того, что было названо Фрейдом «силой эго».

Со ссылкой на М.А. Холодную Н.С. Болотнова пишет, что в психологии когнитивный стиль трактуется как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения», а также таковые же способы «переработки информации об актуальной ситуации» [2. С. 164].

Надо заметить, что ни одно исследование прошлых лет по теории поэтического текста не учитывало *специфику склада ума поэта в переработке информации об изображаемой ситуации*, а такой угол

зрения весьма привлекателен. Выделим вербальные актуализации инициального «я» у разных авторов по первым строчкам:

Я вас любил: любовь еще, быть может;
Я вас люблю, хоть я бешусь;
Я не люблю альбомов модных;
Я помню чудное мгновенье;
Я знаю край: там на брега / Уединенно море плещет;
Я вас узнал, о мой оракул!
Я верю: я любим; для сердца нужно верить...
Я думал, сердце позабыло / Способность легкую страдать,
Я видел смерть; она в молчанье села У мирного порогу моего;
 Я Лилу слушал у клавира;
Я видел вас, я их читал, / Сии прелестные создания,
Я ехал к вам: живые сны / За мной вились толпой игривой,
 Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Я здесь, Инезилья, / Я здесь под окном.
Я возмужал среди печальных бурь (А.С. Пушкин).

У А.С. Пушкина в вербализации концепта «я» превалирует ментально-чувственная сфера.

Я знаю, ты моя награда;
Я не знаю, ты жив или умер;
Я к розам **хочу,** в тот единственный сад;
 Я улыбаться перестала;
Я не любви Твоей **прошу;**
Я пью за разоренный дом;
Я спросила: "Чего ты хочешь?";
Я сошла с ума, о мальчик странный;
Я гибель **накликала** милым.
Я пришла к поэту в гости;
Я научилась просто мудро жить (А.А. Ахматова).

В вербализации концепта «я» у А.А. Ахматовой превалирует акциональная сфера.

Я желал бы рекой извиваться / По широким и сочным лугам,
 Я бы умер с тайной радостью / В час, когда взойдет луна;
 Я люблю большие дома / И узкие улицы города;
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я верю всегдашним случайностям, / Слежу, любопытствуя, миги...
Я не знаю других обязательств, / Кроме девственной веры в себя.
 ...Я вернулся на яркую землю, / Меж людей, как в тумане, брожу;
 Я вырастал в глухое время;
Я убежал от пышных брашен, / От плясок сладострастных дев,
Я лежал в аромате азалий, / Я дремал в музыкальной тиши;
Я ветру вслух **твердил** стихи...

«Ассаргадон»

Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон;

«Египетский раб»

Я жалкий раб царя. С восхода до заката, / Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,

«Жрец Изиды»

Я – жрец Изиды Светлокудрой; / Я был воспитан в храме Фта;
«Крысолов»

Я на дудочке играю, –
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
«Моисей»

Я к людям шел назад с таинственных высот...
«Мумия»

Я – мумия, мертвая мумия. / Покровами плотными сдавленный,
«Раб»

Я – раб, и был рабом покорным / Прекраснейшей из всех цариц.
«Ученик Орфея»

Я всюду цепи строф лелеял (В.Я. Брюсов).

В «я-концепции» Брюсова доминирует дотекстовый итог познания и самоидентификация. Брюсов любит идентифицировать себя самого, предпочитая, однако, идентификацию своего авторского «я» от лица персонажа. Присутствует также и эмоциональный блок.

В заключение отметим, что у исследуемого концепта наиболее актуален тот аспект, который, по замечанию Н.Н. Болдырева [1. С. 23-24], отражает опыт и результаты деятельности человека (в данном случае деятельности автора-поэта, либо персонажа с точки зрения автора). Совокупность представлений автора о том, с констатации каких моментов следует начать поэтический текст, имеет ментальную локализацию, обретая все признаки поэтического текстового концепта, а также раскрывая склад его ума.

Библиографический список

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с.
2. *Болотнова Н.С.* К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 10 (125). С. 164-168.
3. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
4. *Корман Б.О.* Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М.: Наука, 1971. С.199-207.
5. *Психологический словарь* / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 440 с.
6. *Чумак-Жунь И.И.* Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца 18 – начала 21 веков. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.
7. *Русская поэзия* // Электронный ресурс Интернет: guroem.ru.
8. *Серебряный век – поэзия и поэты серебряного века* // Электронный ресурс Интернет: slova.org.ru.